

ФЛАВИЯ де ЛЮС
ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

КОГДА ЛОПАТА
у могильщика
РЖАВЕЕТ

АЛАН БРЭДЛИ

Алан Брэдли
**Когда лопата у
могильщика ржавеет**
Серия «Загадки Флавии
де Люс», книга 11

<https://litres.ru/72000799>

*Когда лопата у могильщика ржавеет:
ISBN 978-5-17-171074-3*

Аннотация

<p>Возвращение великолепной и невозмутимой Флавии де Люс! Одиннадцатая книга серии. Книга года – версия The Washington Post.</p><p>Книги цикла получили множество наград и вышли в 33 странах. </p><p>Забавный факт: Алан Брэдли начал писать книги о Флавии в 70-летнем возрасте, доказав: никогда не поздно создать шедевр.</p><p>Скоро на экраны выйдет сериал по книгам цикла, проект от продюсеров картины «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков». В ролях – Мартин Фриман и другие известные актеры.</p><p>Когда в тихом уголке Бишоп-Лейси находят бездыханное тело местного отшельника – бывшего палача с темным прошлым, все улики указывают на миссис Мюллет, кухарку дома де Люсов. Ведь это

она собрала грибы, она взбила яйца в воздушный омлет, и – о ужас! – она подала роковое блюдо жертве на завтрак. Но двенадцатилетняя Флавия де Люс, гений химии и мастер вскрывать секреты (а иногда и замки), не верит в простые совпадения.</p><p>С карманами, набитыми пробирками, и верным велосипедом «Глэдис» она берется за расследование, вооружившись не только логикой, но и едким британским юмором. Вместе с невозмутимым Доггером и кузиной Ундиной, чей характер острее лезвия, Флавия копает глубже, чем лопата садовника в огороде миссис Мюллет. Но каждая найденная улика лишь запутывает дело...</p><p>Однако юная сыщица не подозревает, что расследование всех перипетий дела приведет ее к самому удивительному открытию, способному перевернуть всю ее жизнь. Ведь в мире Флавии де Люс даже смерть – всего лишь начало эксперимента.</p>

Содержание

1	6
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алан Брэдли Когда лопата у могильщика ржавеет

Посвящается Ширли

*Когда лопата у могильщика ржавеет,
Он эль пьет в долг и оттого грустнеет.
– «В конце», Эндрю Доддс*

Alan Bradley

What Time the Sexton's Spade Doth Rust

© Alan Bradley, 2024

©Amadeus Enterprises Limited, 2024

© Измайлова Е., перевод, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

1

Все величайшие умы вселенной иногда по утрам раздражительны, и я не исключение. Если мне предначертано возвыситься над заурядностью, я нуждаюсь в одиночестве, подобно тому, как воздушному шару требуется газ.

Именно поэтому спустя минут пятнадцать после торопливого одинокого завтрака в Букшоу, я, спрятавшись под черным зонтиком, пришла на старинное кладбище Святого Танкреды – единственное место, где меня точно не потревожат.

Есть особый тип могильной земли, который под дождем начинает пузыриться. У меня есть теория касательно этого феномена, но перед тем, как изложить ее на бумаге, мне нужно будет явиться сюда для дальнейших изысканий.

По моему опыту, ничто не бодрит так, как пребывание на сельском кладбище под зонтиком во время дождя и сырости. Прямо над головой по черному шелку ливень отстукивает военный марш, нос жадно втягивает освежающую вонь могильных камней, мокрой травы и старого мха – запах, открывающий чертоги вашего разума, о которых вы даже не подозревали.

Мох на кладбище очень мягкий, но влажный. Миссис Мюллет говорит, что если я буду на нем сидеть, то заработаю ревматизм, и мне придется вставить новые кости.

Невзирая на холод и сырость, есть особенная прелесть в

том, что я здесь совершенно одна (если не считать мертвецов).

У мертвых не бывает внезапных вспышек ярости и свирепости, они не швыряют тарелки и столовые приборы, не шипят и не раздражаются, у них нет обид и приступов неконтролируемого бешенства. Мертвецы просто лежат под вашими ногами, являя собой главное блюдо на роскошном банкете для жирных черных червей, а грибы тем временем радостно переваривают то, что осталось от деревянного гроба. Это мир гармонии и мрачной удовлетворенности, мир тихой благодати и красоты. Это радостный танец смерти.

Я вспомнила тот год, когда в Ночь всех усопших я устроила фейерверк в уединенном уголке этого самого кладбища, наклеив на каждую ракету этикетку с именем мертвеца, похороненного здесь и практически забытого.

Бум!

Это была Нетти Саваж (1792–1810).

Взжух!

Сэмюэль Поул (1715–1722).

Тыдьиць!

Арден Глассфилд (1892–1914).

Бум! Бум! Бум!

Тройной залп в честь Энни Старлинг, главной старой девы местного прихода (1744–1775).

К несчастью, одна из ракет Энни угодила в церковную трубу, рухнула на дурацкую кучу мусора и устроила возгорание в доме божьем. Чтобы потушить небольшой, но сильный огонь, пришлось вызывать бригаду Бишоп-Лейси. Отец выразил свое неудовольствие, заставив меня совершить пожертвование в пожарный фонд, но, поскольку это были его деньги, конкретно эта часть наказания не доставила мне затруднений. Сложнее всего оказалось вручить каждое пожертвование лично, и сначала я мучилась, чувствуя себя червяком, но в результате перезнакомилась со всеми пожарными и познала химию тушения пожаров.

О, славные времена! О, если бы их можно было вернуть!

Теперь мои единственные друзья – это грибы. Когда порой меня одолевает бессонница, то притворяюсь, будто я гриб, тихо и незаметно ползущий по слизи в свете луны, жадно поглощающий беззащитные обломки коры и чавкая так, как может только гриб.

Чвяк! Славная сосновая иголка. *Чвяк!* Обломок горькой ивы. *Чвяк!* Неожиданно попадаетея щепка от крышки гроба со сладким привкусом формальдегида. Воодушевленная, я

ползу дальше в надежде на что-то более питательное.

И так далее и тому подобное... пока не проваливаюсь в серый мутный сон.

Вернемся же к дождю и кладбищу Святого Танкреда.

Мне нужно уединение.

– Флавия!

Тысяча проклятий! Это Ундина, моя зловредная кузина и бич Букшоу. Как она меня нашла? Я припрятала мой верный велосипед «Глэдис» за порогом церкви, чтобы уберечь ее и от влаги («Глэдис» любит бегать под дождем, но ненавидит стоять под ним), и от лишних глаз.

Я присела еще ниже, медленно сжимаясь всем телом, как будто могла уменьшиться или вообще стать невидимкой. Возможно, эта вредина примет мой мокрый зонт за часть черного мраморного надгробья.

– Флавия!

Я затаила дыхание и стиснула зубы. В макинтоше и непромокаемой шляпе она выглядела маленьким вурдалаком.

Но она меня заметила.

– В чем дело, о драгоценная моя? – наконец выдавила я, смахивая каплю дождя с ресниц.

Она уставилась на меня, распахнув рот, как будто я только что спустилась с небес по золотой веревке.

– Почему ты постоянно преследуешь меня? – спросила я.

– Потому что я твой крокодил, – прошипела она, стукнула зубами и издала отвратительный щелкающий звук горлом. –

Щелк-щелк. Щелк-щелк.

– Катись к чертям, – велела я.

– Ты чокнутая, – заметила она. – Ты в курсе? Чокнутая.

Я почувствовала подступающую тошноту. И прикусила язык.

– Я хочу, чтобы мы, ты и я, поклялись здесь и сейчас, – сказала я, – на священной могиле Святого Танкреда, так сказать, что мы будем добрее друг к другу. Мы обе сироты, помнишь? А сироты должны держаться вместе. Понимаешь, что я имею в виду?

– Эге-ей! – с энтузиазмом ответила она.

– Не говори «эге-ей», – сказала я. – Звучит, как будто ты говоришь из живота чрево вещателя. Ты слишком много времени проводишь с Карлом Пендракой.

Карл – один из бывших ухажеров моей сестрицы Офелии, военнослужащий из Цинциннати, штат Огайо. Хотя пыл Карла поутих после того, как Фели вышла замуж за его соперника, он продолжал шататься вокруг Букшоу и после свадьбы, возможно, как говорит моя вторая сестра Даффи, «в поисках добычи попроще».

– Карл – отличный парень, – возразила Ундина. – Он учит меня пукать на мотив «Привет вождю»¹.

– Ундина! Что за грубости!

– Я хотела, чтобы он научил меня «Правь, Британия», но

¹ Марш при встрече президента США. –Здесь и далее – примечания переводчи-
ка.

Карл сказал, что это концертное произведение и для новичка слишком сложное. Надо потренироваться, не так-то просто испускать тройной пшик. Пока что у меня получается только «Малютка Утка»². Карл говорит, мне нужно научиться запускать контральто и сдерживать брызги. Так что я иногда прихожу сюда попрактиковаться. Ну понимаешь, во избежание эксцессов. Скажи, Флавия, отгадаешь загадку? Что это такое – белое с ручкой и летает?

– Не знаю и знать не хочу, – ответила я.

– Ночной горшок! – завопила она, складываясь пополам от смеха и хлопая себя по коленям.

– Ты отвратительна, – сказала я, сдерживая улыбку, чтобы не поощрять ее.

– Я не отвратительна. Я предприимчива. Ты знаешь, что француз по имени Жозеф Пуйоль ужасно разбогател, пуская газы при большом скоплении публики? И не просто музыкальные отрывки, он мог подражать животным!

– Не хочу об этом слышать.

– Карл говорит, что мне нужно увеличить количество капусты в рационе и добавить побольше бобов. А еще Карл говорит, что это заставит даже ангелов молить о пощаде.

– Меня это не интересует.

– Ты ханжа.

– Я не ханжа. Я приличный человек.

Ундина прищурила один глаз и оценивающе посмотрела

² The Baby Duck – очень простая детская песенка.

на меня, будто я товар на восточном базаре.

– Ты де Люс из Букшоу. Вы все одинаковы. Кучка снобов. Крахмал и соус. Ля-ди-да. Понюхай мою юбку. Ибу часто над вами смеялась, знаешь ли.

Ибу – так она называла свою покойную мать Лену, встретившую свой ужасный и зрелищный конец под дождем из витражного стекла, некоторые элементы которого датировались XIII веком³.

Ундина обеспокоенно уставилась на меня сквозь воображаемое пенсне и с надменным и неодобрительным видом запела:

*«Тише вы, тише, шептаться не стоит. Кристофер Врен
нам лестницу строит».*

– Не очень оригинально, – с трудом нашлась я.

– Она слышала это на спектакле в Оксфорде или где-то еще, – объяснила Ундина. – Но сказала, что эти слова идеально соответствуют де Люсам из Букшоу.

– Возможно, она права, – сказала я, демонстрируя ангельское смирение, но внезапно почувствовала себя грязной.

Что я могу сделать, чтобы воссоединить расколотую семью? Что бы отец подумал обо мне?

Внезапная смерть отца стала для меня сильным ударом. Все утратило смысл. Сначала я пыталась изолироваться и

³ Речь о событиях в романе «Здесь мертвецы под сводом спят».

притвориться, что он все еще жив и просто недоступен, как обычно: где-то возится со своей чертовой коллекцией марок. Но шли дни, недели, тянулись месяцы, и я все чаще и чаще просыпалась посреди ночи в слезах. И при виде промокшей от влаги подушки я ощущала в глубине души стыд, причины которого не могла – или не хотела – объяснить даже самой себе.

Жена викария отвела меня в сторону для, как она обозначила, «короткой беседы». Она понимает, что значит быть одиноким, но я не должна чувствовать себя плохо из-за этого; одиночество – это не грех.

Когда кто-то переступает невидимую границу, отделяющую вашу частную жизнь, это всегда неловко. Пусть даже вам желают добра, но граница нарушена и уже никогда не будет такой непроницаемой преградой, как прежде.

Я поблагодарила ее за заботу, но не стала говорить, что меня пожирает не одиночество, а нехватка любви, и это тоже не грех.

Кроме того, есть кое-что еще.

Я первая соглашусь с мнением, что меня нельзя назвать обыкновенной девочкой в привычном понимании, но дело в другом: в моей жизни начало оформляться что-то странное и тревожащее.

Как будто между мной и реальным миром образовывается стеклянная стена – почти прозрачная, едва ощутимая: изолирующая меня мутная дымка. Нужно что-то предпринять,

пока не стало слишком поздно: пока я не оказалась в ловушке, откуда нет пути на другую сторону.

Мне нужна подпитка.

Но начнем с практических вещей. Сначала лопаты и зубила, потом храмы.

Ундина наклонилась над могилой неподалеку, ковыряя в носу и притворяясь, что читает надпись.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

– Доггер попросил меня сходить за тобой и привести домой, – ответила она. – Немедленно.

– Есть конкретная причина?

– Я знаю только то, что смогла подслушать через дверь, – ответила Ундина. – Дело в миссис Мюллет. Кажется, она кого-то убила.

ГЛАВА 2

Мы неслись по асфальту, и шины «Глэдис» пели под дождем. Ундина, похожая на изломанного аиста, сидела передо мной в корзине, держась за руль и во весь голос распевая какую-то языческую песню с припевом «Унга-бунга». Я была слишком занята мыслями, чтобы заставить ее прекратить.

Убила? Миссис Мюллет? Вряд ли в это можно поверить. Кого?

Доггер поступил правильно, послав за мной Ундину. Единственный человек, кроме нас, кто оставался в доме, это Даффи. Моя сестра Даффи.

Я еще сильнее надавила на педали.

Пусть она... пусть она...

Мы пронеслись через ворота Малфорда и влетели на длинную каштановую аллею. Впереди я уже видела черный «Уолсли»⁴ инспектора Хьюитта, припаркованный перед входом в Букшоу и внушающий дурные мысли. На водительском месте кто-то сидел – молодой констебль с ничего не выражающим лицом. Когда мы подъехали, он уставился на нас. Я его не знала. Он явно находится тут, чтобы помешать преступникам сбежать из дома.

Я резко затормозила, отчего Ундина полетела на гравий,

⁴ «Уолсли Моторс» – в описываемое в романе время самый крупный производитель автомобилей в Великобритании. Существовал до 1975 года.

еле удерживая равновесие на тощих дрожащих ногах.

– Осторожно, – сказала я. На самом деле я не хотела причинить ей вред.

Она пронзила меня взглядом из-под шляпы, но у меня не было времени на анализ.

Проходя мимо машины, я отсалютовала пальцами констеблю, но его крупное белое лицо за стеклом было неподвижно, как невыпеченная буханка хлеба.

Я влетела в дом и понеслась прямо в кухню. Я знала, что миссис Мюллет не позволит допрашивать себя за пределами своего царства.

Она сидела за кухонным столом с неподвижным лицом, но, как только она меня увидела, маска треснула, и она разрыдалась.

– О, мисс Флавия, – прорыдала она. – Вы должны сказать им... никого я не убивала... Я не... не могла!

Напротив нее неподвижно стоял инспектор Хьюитт с блокнотом в руке. Он кивнул мне.

– Мисс де Люс.

Так вот, значит, как теперь будет? Официально до кончиков ногтей? Мы с ним не раз сталкивались в прошлом, и каждый раз был другим, каждый раз мы начинали все сначала, как будто видим друг друга впервые.

– Инспектор, – сказала я, – не могли бы вы объяснить, что здесь происходит?

Лучше утвердить свой авторитет с самого начала, поду-

мала я. В конце концов, *этой* дом. Как мне объяснили сухие седые мужчины с огромными руками, он достался мне по сложно составленному завещанию матери.

Кажется, я застала инспектора Хьюитта врасплох. Возможно, он прочитал мои мысли по лицу.

Нас с инспектором объединяло неоднозначное прошлое. Он никогда не знал, чего от меня ожидать, в то время как я читала его как открытый телефонный справочник. Я много раз помогала ему в расследованиях, но, как со всеми, у кого власти больше, чем у нас (и о которых святой Петр завещал молиться Фоме: «за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте»⁵), это ничего не значило. Мои усилия оказались тщетны.

Именно в этот момент появился Доггер – внезапно, тихо и очень вовремя, как он умеет. Секунду назад его не было, и вот он стоит у входа в кухню. Он молчал, и я сразу поняла, что он хочет, чтобы на него не обращали внимания.

Доггер – наша опора: мастер на все руки, советник, садовник, защитник и друг. Он был в военном плену вместе с отцом, и шрамы на его душе до сих пор не зарубцевались. В один миг он мог быть несокрушимой стеной, в другой – хрупким дрожащим листом. Я коротко улыбнулась ему.

– Некая персона мертва, – наконец сказал инспектор. – Возможно, миссис Мюллет может предоставить объяснения.

⁵ 1-е Послание Тимофею 2:2, цит. по Синодальному переводу.

Очень разумно с его стороны. Я знала, что правила запрещают ему делиться информацией публично, но миссис Мюллет вполне могла проговориться о том, о чем раньше умолчала. Хорошая игра, инспектор, подумала я.

– Инспектор говорит, это майор Грейли, – сказала миссис Мюллет, утирая глаза передником. – Он мертв. Вы знаете, что я готовлю и убираюсь у него в коттедже «Мунфлауэр», с тех пор как ваш отец... то есть полковник де Люс... простите, мисс Флавия... я не хотела...

Я сжала ее плечо.

– Он умер, – повторила она.

Но о ком она говорит?

Насколько я знаю, майор Грейли вышел в отставку несколько лет назад и обосновался в маленьком домике на окраине Бишоп-Лейси. Я его не встречала, но мне казалось, что он предпочитает уединение. Мелкий госслужащий – так он отрекомендовал себя викарию. Зачем кому-то убивать такого человека?

– Я знала, он любит грибы на завтрак, – продолжала миссис Мюллет. – И я собирала немного по пути в его коттедж. Они растут за перелазом на поле Грейнджера. Вы знаете это место. Приготовила их и подала ему вместе с тостами. *Ибамц!* Он мертв. Грибы оказались ядовитыми, и это моя вина, и ничья больше.

Грибы! Я не могла поверить своим ушам. Должна признать, что я долго молилась богу, Деве Марии и всем святым,

чтобы мне подвернулось старое доброе отравление грибами. Не то чтобы я желала кому-то смерти, но зачем наделять девочку склонностью к науке, точнее, к химии, и не давать ей возможности пользоваться своими талантами?

Кроме того, миссис Мюллет собирала и готовила грибы уже лет сто и отлично разбиралась во всех их видах, как и любая женщина, живущая в сельской местности. Это она когда-то преподавала мне основы, как разбираться в съедобных грибах, – задолго до того, как я углубилась в изучение более редких ядовитых веществ.

Тем временем миссис Мюллет продолжила тихо рыдать. Инспектор взглянул на нее с таким видом... что это было? Сомнение?

– Кто-то догадался послать за мужем миссис Мюллет? – спросила я, стараясь не смотреть на инспектора Хьюитта. При взгляде на него у меня появлялся странный привкус во рту. Мозг предварительно обозначил это ощущение как новую разновидность злости.

– Да, – сказал инспектор, – но его еще не нашли.

– Он ушел рыбачить, – прошептала миссис Мюллет. – Я говорила ему взять болотные сапоги, но он забыл.

Я положила руку ей на плечо.

– Все в порядке, миссис М., – сказала я. – Уверена, что здесь какая-то ошибка. Мы во всем разберемся.

Она накрыла мою руку своей ладонью, и я поняла, что мои слова услышаны.

Инспектор Хьюитт стрельнул в меня кривой, горькой улыбкой. Он не хуже меня знает, что закон не запрещает утешать обвиняемых.

– Я не скажу больше ни слова, пока не явится Альф, – заявила миссис Мюллет, утирая лицо фартуком.

Она давала мне дополнительное время на размышления, и я молча вознесла благодарственную молитву.

Тем временем Ундина настороженно рассматривала неподвижно стоящего в дверях Доггера. Бог знает, что у нее на уме.

– Еще несколько вопросов, миссис Мюллет, – сказал инспектор Хьюитт, – и мы отвезем вас домой.

Миссис Мюллет скрестила руки на груди и сердито уставилась в потолок.

– Что ж, – заметил инспектор Хьюитт, аккуратно засунув ручку «Биро» в хитрое отделение своего блокнота и закрыв его. – Тогда только один вопрос. Вчера перед завтраком майор Грейли был в добром здравии? Вы не заметили ничего необычного?

– Ну... он был молчалив. Накануне ездил в офицерский клуб в Литкот. Знал там кое-кого. Был там навроде знаменитости. Братья по оружию любили пропустить пинту и поболтать с ним. Делали ему маленькие презенты – мясо, масло, кока-колу, иногда сигару. То, чего нет в свободном доступе. Какая глупость, янки могут достать все, а мы до сих пор голодаем, хотя война закончилась восемь лет назад.

– Ясно, – сказал инспектор, делая заметки. – До того, как вы подали ему завтрак, он был таким же молчаливым, как после?

Несколько жестоко, на мой вкус, но, возможно, инспектор не имел в виду ничего дурного.

– Меня арестуют и повесят! – миссис Мюллет всхлипнула, вдохнула и зарыдала. – Закуют в наручники, наденут мешок на голову и поставят на помост. Так поступают с убийцами. Я читала в газетах.

Что нашло на миссис Мюллет? Запоздалый шок? Почему обычно практичная и невозмутимая женщина пришла в такое волнение?

– Вы не убийца, миссис М., – заявила я.

– Я приготовила грибы и подала ему своими руками, да? Вы думаете, его отравили, так ведь? Вы думаете, что во всем виновата я, и никто другой?

Она пошла по кругу. Смысла в этом нет.

– Инспектор, могу я увести ее прилечь ненадолго? – Попросила я. – Пока не придет муж миссис Мюллет?

– Думаю, да, – хмурясь, ответил он. – Это не по правилам, но не вижу в этом вреда.

По его голосу я поняла, что он разочарован. Инспектор надеялся на приступ разговорчивости со стороны миссис Мюллет, но лавочка не открылась.

Доггер шагнул вперед и подхватил миссис М. под руку, а я поддержала ее с другой стороны. Мы медленно повели

ее через вестибюль и вверх по лестнице. Затем повернули в западное крыло.

– Мы положим ее в комнату Фели, – сказала я.

Офелия все еще совершает гранд-тур по Европе вместе с мужем Дитером, мыча от восторга при виде памятников Моцарту. Должна признать, что ужасно по ней скучаю, даже по ее жестокости. Фели может заставить вас смеяться, даже расчленяя на части. Жить с ней – это сладкая пытка, и я время от времени размышляла, как справляется Дитер.

Когда Фели уехала, в ее комнате воцарилась грустная пустота. Я почти скучала по тем временам, когда она вышвыривала меня из спальни. Странное ощущение – наваждение наоборот.

Мы с Доггером осторожно провели миссис Мюллет, обмякшую, как мешок с влажной мукой, в комнату и уложили на кровать. Доггер закрыл дверь.

Повисла тишина.

Миссис Мюллет громко чихнула и открыла один глаз.

– Ладно, – сказала она и внезапно села. – Этот человек выводит меня из себя, вот что я вам скажу. Ненавижу, когда со мной обращаются как со старой шарманкой. Я знала, что нам нужно потянуть времечко. Надеюсь, вы не против, что я добавила немножко драмы.

Мы с Доггером переглянулись.

– Так это был спектакль! – сказала я.

– И очень профессиональный, если мне позволено ска-

зять, – добавил Доггер.

– Я же играла Офелию в юности, – гордо заявила миссис Мюллет. – «Амлет», так это называлось. Постановка театральной ассоциации. Два раза. В пятницу вечером и в субботу днем, вот как это было.

Она откинулась на кровать, опираясь на одну руку и прикрыв лоб локтем другой. После короткой паузы произнесла:

– *«О, как сердцу снести: Выдав бывшее, видеть то, что есть!»*⁶

Этот глубокий низкий голос не мог принадлежать миссис Мюллет, голос звучный, исполненный боли и трагедии, от которого меня охватила дрожь с головы до пят. Казалось, эти слова издала золотая труба с фиолетовой бархатной обивкой. Что за незнакомка живет в нашей кухарке?

Я поймала себя на том, что у меня отвисла челюсть.

– Вот черт! – сказала я.

– Чудесно, миссис Мюллет, – сказал Доггер. – Осмелюсь заметить, что вы – самая восхитительная Офелия, когда-либо украшавшая собой сцену – или опочивальню. – Он улыбнулся.

– О, не стоит, – мило покраснела миссис Мюллет, накручивая прядь волос на палец.

Но нельзя терять время. В конце концов, полиция ждет.

– Поскорее расскажите нам о майоре Грейли, – сказала я. – В нашем распоряжении, наверное, пара минут.

⁶ В. Шекспир, «Гамлет», акт 3, сцена 1, цит. по переводу М. Лозинского.

– Это было вчера, – начала миссис Мюллет. – Как я сказала этому инспектору, майор любил время от времени есть грибы на завтрак. Так что я собрала немного по пути к его дому. Мы называем их «пуговики Молли». Вы тоже их ели. Абсолютно безвредные. Изжарила их на масле, как написано в поваренной книге Элизы Эктон и как я всегда делаю – с солью, мускатным орехом и кайенским перцем. Он так и любил их, да. Точно как делала его матушка. Только так, и никак иначе. Я поставила перед ним тарелку и наблюдала, как он уплетает. Надела пальто и отправилась напрямиком в Букшоу. Приготовила вам завтрак. И больше ничего об этом не слышала до сегодняшнего утра, когда явился инспектор Хьюитт.

«Что вам нужно?» – спрашиваю я.

«Вас», – говорит он.

«Меня?» – говорю. Я страшно удивилась.

– Инспектор сказал вам, что майор мертв? – уточнила я.

– Сначала нет, – ответила миссис Мюллет. – Он спросил, когда я последний раз его видела, как он выглядел, как себя вел и все такое. Все то же, что сейчас. Заметила ли я что-то странное... был ли кто-то неподалеку... И кто готовил грибы и все в таком духе. Я рассказала ему то же, что и вам.

– Он сказал, что обнаружил тело?

– Нет, – ответила она, подумав. – Вы знаете этих полицейских. Замкнуты, как раковины.

– О да, – заметил Доггер.

– Вы говорили инспектору, заметили ли вы кого-то еще в коттедже? – спросила я, внезапно подумав, что в доме был кто-то еще.

Мне показалось или глаза мисс Мюллет затуманились? Она явно подбирала слова для ответа.

– Я шла через кладбище, – сказала она. – И вы знаете не хуже меня, что можно увидеть на кладбищах.

– И вы видели что-нибудь? – уточнила я.

Ее челюсти сомкнулись, будто их сковал гипс.

– Что-то померещилось, – сказала она. – Должно быть, я съела испорченное яйцо.

Похоже, мне потребуется время, осознала я. Миссис Мюллет не из тех, кого можно поторопить и к кому можно отнестись несерьезно.

– Нам нужно вернуться вниз, – сказала я. – Нельзя заставлять инспектора ждать. Оставайтесь тут и отдохните, миссис Мюллет.

– О, я в порядке, – сердито сказала она, вскакивая. – У меня полно дел.

– Лучше подождать, – вступил Доггер. – Мы же не хотим, чтобы у инспектора сложилось превратное впечатление. Не так ли?

– Думаю нет, – согласилась миссис Мюллет, сбрасывая туфли на пол и вытягиваясь на кровати с блаженным вздохом. – *«О, как сердцу снести: Видав бывое, видеть то, что есть!»* – снова повторила она, и у меня напряглась шея.

Она скрестила руки и закрыла глаза, давая понять, что разговор закончен.

Что происходит в голове этой женщины, подумала я. Она что-то скрывает? Или просто склонна драматизировать? Или это бедное создание на грани безумия от стресса?

Или дело во мне?

Я начинала понимать по себе, что скорбящий человек живет в мире расколотых зеркал. Все не то, чем кажется. Мне нужно сосредоточиться, собраться и снова стать целостным, мощным, острым разумом, как прежде. И нужно сделать это быстро.

Начну с инспектора.

Я облачилась в невидимые доспехи Мисс Чопорности и отправилась вниз по лестнице.

Инспектор сидел за кухонным столом напротив радостной Ундины. Она сдвигала карты в колоде для игры в «Выгони Джека из города». Хотя Ундина всегда называет эту игру «Разори соседа», в Букшоу это есть и всегда будет «Выгони Джека из города».

– Теперь ваша очередь отвечать на мои вопросы, – заявила она инспектору.

– О чем тебя спрашивал инспектор Хьюитт? – мило поинтересовалась я, вваливаясь в помещение немного быстрее, чем планировала.

– Ни о чем, – ответила Ундина. – Он меня еще не обыграл.

– И, судя по всему, не смогу, – сказал инспектор Хьюитт,

выравнивая колоду и протягивая ее Ундине. – Почему бы тебе не сбегать во двор и не помучить констебля Роупера? Он там скучает. Попроси его показать наручники. Это его всегда бодрит.

– Зловещие браслеты, да? – переспросила Ундина. – Уверена, что смогу избавиться от них. Для моего возраста у меня очень тонкие запястья, знаете ли.

И она испарилась донимать констебля Роупера.

– А теперь, – сказал инспектор Хьюитт, как только она исчезла, – я хочу окончательно прояснить один момент.

Я догадывалась, о чем он. И оказалась права.

– Я не желаю, чтобы ты вмешивалась в это дело, – объявил он. – Никоим образом. Это ясно?

– Да, сэр, – сказала я, наклоняясь вперед, протягивая ему правую руку для рукопожатия и одновременно пряча левую за спиной и скрещивая пальцы. – Совершенно ясно.

– Что ж, отлично, – продолжил он. – Рассказывай, что тебе известно об этом?

– Ничего, – ответила я. – Вы были тут раньше, чем я узнала.

– Что ж, пусть так и будет, – сказал он, убирая свой неизменный блокнот и напуская привычный официальный вид.

Ха! Контрольный выстрел. Мне это прекрасно знакомо – как и любому человеку, у которого есть старшие сестры. Первым моим порывом было расшаркаться и рассыпать воображаемые розовые лепестки к его ногам, затем пасть на

колени и покрыть его черные ботинки поцелуями. Но я сдержалась.

– Да, сэр, – ответствовала я, одаряя его милой, но серьезной улыбкой, которая в моем каталоге проходит под номером Д22 – дерзкая.

Он долго смотрел на меня, едва заметно кивнул и удалился.

После того как он ушел, я выдохнула и приготовила себе сэндвич с вареньем.

Сестрица Даффи всплыла на кухню, когда я облизывала пальцы.

– Я пропустила все веселье, да? – поинтересовалась она.

Я пожала плечами.

– Смерть мелкого государственного служащего. Как в романах Найо Марш⁷ или Агаты Кристи? Тоненький зеленый томик из киоска Смита⁸, чтобы почитать в дороге.

– Откуда ты знаешь? Про мелкого государственного служащего?

Именно этими словами майор охарактеризовал себя ви-карию.

– Дымоход, – Даффи ткнула пальцем вверх.

Когда мы с сестрицами были младше, мы часто лежали на

⁷ Найо Марш (1895–1982) – новозеландская писательница, автор детективных романов об инспекторе Родерике Аллейне.

⁸ Киоски Смита – сеть магазинчиков, продававших книги, газеты, канцелярские принадлежности и другие мелочи.

полу этажом выше и часами подслушивали через этот своеобразный горячий телеграф, приносивший новости и сплетни из огромного количества помещений. Зная, какие заслонки открыть или закрыть, мы могли слушать разговоры даже из самых удаленных гостевых спален.

– Отсюда следует, что инспектор уже пообщался с викарием, – сказала я, совершенно точно понимая, что это первый шаг в новом расследовании. Не видя тела, не изучив сцену преступления, я буду вынуждена работать задом наперед – как в Зазеркалье. Подвиги Геркулеса на цирковом велосипеде.

Что ж, в любом случае я собираюсь очистить честное имя миссис Мюллет. Все остальное будет приятным сюрпризом.

Конечно, я должна проконсультироваться с Доггером. Мы организовали агентство – «Артур У. Доггер и партнеры. Осторожные расследования». Хорошо звучит, не так ли? Мы могли бы выбрать название вроде «Сыщики в лайковых перчатках», но это разрушило бы нашу идею. Люди, нуждающиеся в наших услугах, умеют читать между строк.

Но сначала я должна закончить с Даффи. Миссис Мюллет все еще на втором этаже в другом мире – в том или ином смысле. Доггер за ней присмотрит.

– Итак, что ты о нем знаешь? О майоре Грейли, имею в виду.

Даффи пожала плечами.

– Не больше твоего, полагаю. Видела его в церкви. Водя-

нистые глаза навывкате. Старомодный костюм, слишком тесный. Сидит в задних рядах и вечно хрустит таблетками от кашля во время службы. Если бы не очки Национальной службы здравоохранения⁹, он был бы похож на мистера Пиквика¹⁰. Приходские дети и их заботливые родители любили его.

– Почему?

Даффи пожала плечами.

– Он ремонтировал их игрушки и все такое. Починил Нетти Тук скакалку, потерянную в поле и попавшую под плуг. Переплел ее, как сказал викарий. Она стала как новая. Должно быть, служил моряком. Носил малыша Джорджи Мэнди на спине на соревнованиях по бегу в мешках на празднике.

Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но, может, я просто становлюсь циничной.

– Но кто мог захотеть убить такого человека? – спросила я.

– Это воистину невероятно, не так ли? – сказала Даффи.

Даффи всегда говорит что-то вроде «воистину невероятно» в тех случаях, когда я сказала бы: «Что ж, я сбита с толку».

⁹ Недорогие практичные очки, которые Национальная служба здравоохранения выдавала бесплатно и тем самым сделала их массовыми в Великобритании. В то время далеко не каждый мог позволить себе визит к врачу и тем более очки.

¹⁰ Мистер Пиквик – персонаж романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», события которого разворачиваются в 1826–1827 годах, поэтому он никак не мог носить очки Национальной службы здравоохранения.

Полагаю, это дело вкуса.

– Но отвечая на твой вопрос, – продолжила Даффи, – никто не хотел его смерти – во всяком случае, в Бишоп-Лейси. Обычная канитель, Холмс. Всмотрись в знамения прошлого!

Сказав это, она с мерзкими видом потеряла руки, цапнула последний ломтик моего сэндвича с вареньем, сунула его в рот и выплыла из кухни.

И как будто по заказу, дверь в огород распахнулась и, вытерев ноги, вошел Альф Мюллет.

– Где моя миссус? – поинтересовался он. – Я принес ей рыбы. – Он стоял, развернув плечи и выпрямив спину, как будто шомпол проглотил. Альф, неизменный солдат.

– Она дремлет наверху, – сказала я. – Боюсь, здесь было суматошно. Инспектор Хьюитт полагает, она кое-кого убила. Вы с ними не встретились?

– Я пришел через огород, – ответил Альф. – Как обычно. И кого же она убила?

– Я серьезно. Майор Грейли отравился грибами, которые собрала и приготовила для него миссис Мюллет. Инспектор в машине во дворе. Можете пройти через вестибюль, если желаете.

Альф выплюнул слово, которое я не должна повторять во избежание вечных мук, затем развернулся и промаршировал на выход. Он даже не попытается сократить путь через дом. Он подойдет к парадной двери, как положено человеку, знающему свое место.

Но когда он там объявится, не хотела бы я быть на месте инспектора. Даже за весь китайский чай в мире.

Еще в раннем детстве я научилась порхать как мотылек, вот и сейчас я вылетела из кухни в короткий темный коридор, оттуда в вестибюль. Подойдя к входной двери, я прижалась к ней ухом. Старое дерево служило огромным резонатором, и я слышала каждое слово так отчетливо, будто стояла рядом с инспектором.

– Полагаю, вы мистер Мюллет? – говорил инспектор.

Черт! Я пропустила первый выход.

– Полагайте, что хотите. Это свободная страна, – ответил Альф.

– Кажется, мы уже встречались? – спросил инспектор Хьюитт.

– Скорее всего, здесь, в Букшоу, – сказал Альф. – Пару лет назад, когда здесь снимали фильм. Тут кто только не околачивался.

Уфф! Осторожно, Альф, подумала я. Ты же не хочешь угодить в наручники?

– Теперь скажите мне, что это за чепуха насчет того, что моя жена кого-то убила?

– Никто не утверждал ничего подобного, – возразил инспектор. – Мне просто нужно задать ей несколько вопросов. Она очень расстроена, и я был бы благодарен за вашу помощь.

– Можете задать ваши вопросы мне, – сказал Альф, – и

не беспокоить ее.

– Боюсь, это невозможно, – ответил инспектор.

– Почему? – возмущенно спросил Альф.

– Мы полагаем, что она может обладать некоторой информацией. Это все, что я могу сейчас вам сказать.

Альф что-то проворчал в ответ, что я не смогла разобрать, и потом я услышала шорох шагов по гравию. Нельзя, чтобы меня поймали за подслушиванием. Я развернулась и в несколько длинных прыжков пересекла вестибюль.

Звонок в дверь. Инспектор демонстрирует безупречные манеры.

Чужой человек, которого пригласили в дом, может выйти назад и вернуться без звонка, но период, когда он может это сделать, очень короткий.

Я быстро развернулась, сосчитала до пятнадцати и открыла дверь. Инспектор стоял на пороге, и Альф обходил дом в сторону кухни.

– А! – сказала я. Иногда «А!» достаточно.

– Не будете ли вы так добры пригласить миссис Мюллет, – сказал инспектор. – Уверен, мы быстро справимся.

Я открыла дверь шире и шагнула назад.

– А! Миссис Мюллет! – сказал инспектор, взглянув поверх моего плеча.

Я обернулась и увидела миссис Мюллет на верху лестницы, поддерживаемую Доггером. Они начали медленно спускаться. Ее лицо было пепельно-серым. Интересно, это пуд-

ра?

Я покачала головой, чтобы сфокусировать взгляд.

Они спускались по главной лестнице и вполне могли бы быть королем и королевой фейри во плоти. В один миг миссис Мюллет купалась в теплом свете воспоминаний, в следующий – выглядела как слегка подогретый завтрак Смерти.

Она что-то скрывает. Ну конечно же! Почему я раньше не поняла?

О, миссис М., подумала я. Во что вы ввязались?

Когда они приблизились к подножью лестницы, инспектор Хьюит подошел и взял миссис Мюллет за руку.

Разве не мило, подумала я, но потом меня осенило. Нет. Пойдите. Он проверяет ее пульс.

Я знаю, как работает подозрительный ум, поскольку я сама так устроена. Обладать блестящим умом не всегда легко.

– Пойдемте, я поставлю чайник, – сказала я, делая одновременно величественный и скромный жест в сторону кухни.

Дражайший друг моего покойного отца, викарий, демонстрировал освежающую прямоту в личной беседе. Он однажды сказал: «Чай и вера побеждают все».

Я не могла не заметить, что на первое место он поставил чай.

Значит, сейчас мне нужно открыть глаза и уши и закрыть рот. Быть Полли-поставь-чайник-де Люс¹¹. Надо быть сдер-

¹¹ Флавия намекает на детскую народную английскую песню Polly, put the kettle

жанной.

– Инспектор Хьюитт и миссис Мюллет, пойдемте за стол. Я заварю чай, и Доггер достанет чашки и блюдца.

Доггер поднял руку, словно собираясь убрать прядь волос со лба, но в последний момент изменил движение, смахнув воображаемую пылинку с рукава. Я одарила его незаметной улыбкой из тех, которыми мы обмениваемся, и он ответил мне тем же. Один взгляд, в котором тонна смысла.

Я начала возиться с заваркой – идеальный предлог, чтобы задержаться и послушать.

– Итак, миссис Мюллет, – приступил к делу инспектор, открывая блокнот. – Продолжим с того места, на котором остановились?

– Я рассказала все, что могла, – сказала миссис Мюллет.

– Что ж, тогда расскажите еще раз, пожалуйста, – попросил инспектор.

Миссис М. извлекла носовой платок откуда-то из недр своего платья и приложила его к глазу, хотя я заметила, что слез не было.

Она кивнула.

– Возвращаясь ко вчерашнему дню, вы утверждаете, что собрали грибы утром по пути к коттеджу «Мунфлауэр», приготовили их, подали майору Грейли на завтрак, потом ушли и больше не возвращались.

– Да, – подтвердила миссис Мюллет.

– Не будете ли вы любезны объяснить в таком случае, почему два свидетеля независимо друг от друга заметили, как вы уходите из коттеджа «Мунфлауэр» через несколько часов после завтрака?

– Должно быть, они с кем-то меня перепутали, – сказала миссис Мюллет. – Бывает.

Я заметила, что Альф наблюдает за своей женой так же пристально, как инспектор, и даже более пристально. А она внимательно смотрит на него.

Что, черт возьми, здесь происходит, задумалась я, наливая чай. Если бы мне удалось застать миссис Мюллет в одиночестве, я бы вмиг вытянула из нее правду, но инспектор Хьюитт умудрился сбить ее с пути. Как она выразилась? «Этот человек выводит меня из себя».

Когда он умудрился вывести ее из себя? Где? Как? Почему?

Раздражение как мотив для убийства часто упускают – дело не в том, что миссис Мюллет убийца, дело в принципе. Даже незначительное раздражение, которое лелеют и питают, может превратиться в потрясающий и порой неожиданный приступ ярости.

Доггер как-то вскользь сказал, что ярость – родственница сложного процента¹², и этот комментарий от человека, никак

¹² Сложный процент – это начисление процентов не только на начальную сумму, но и на процент, который уже накопился. Доггер показывает свою невероятную эрудированность.

не связанного с финансовой сферой, показался мне странным. Тем не менее я запомнила эти слова, и теперь, кажется, они объясняли, как инспектор Хьюитт вывел миссис Мюллет из себя, пусть я еще и не поняла почему.

У меня закружилась голова. Почему я не могу так же легко взять ситуацию с расследованием под контроль, как делаю это раньше? Мне мешает невидимый туман? Теряю хватку?

Инспектор Хьюитт и миссис Мюллет сидели за столом друг напротив друга, неподвижные, как восковые фигуры.

Застой. Вот слово, которое я пыталась подобрать.

Кухонная дверь неожиданно распахнулась, и в помещение с грохотом влетела Ундина. То что нужно, подумала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.